

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРВИЦИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ИНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериял «Амалия –
секретный агент императора»:**

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Драма в кукольном доме
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце *Femme Fatale*
Званый ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции
Девушка с синими гортензиями

Аквамаринное танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена
Снежная роза

Сериял «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦЫНА

ПОХИТИТЕЛЬ ЗВЕЗД

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Вербинина, Валерия.
В31 Похититель звезд : [роман] / Валерия
Вербинина. — Москва : Эксмо, 2020. —
352 с.

ISBN 978-5-04-108610-7

Знаменитый поэт Алексей Нередин отправился на Лазурный Берег поправить здоровье, но размеренное течение жизни в санатории прервалось странными событиями. Сначала у Нередина пропали черновики, потом у французского офицера исчезло письмо, которое он не успел прочитать. А вскоре после этого в санатории произошло убийство — почтенную пожилую даму, любившую сидеть в кресле на берегу, столкнули с обрыва. Все терялись в догадках, и только Амалия, агент особой службы русского императора, поняла: речь идет о тайне государственной важности. И ради того, чтобы ее не раскрыли, кто-то готов на любое преступление...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108610-7

ПРОЛОГ

Они сидели на вокзале. Мимо них катился мутный поток пассажиров первого класса — женщины в шелестящих платьях и легкомысленных шляпках, мужчины, излучающие солидность, чинные дети, горничные с собачками в руках, немолодые дамы, громко переговаривающиеся по-французски. Мария смотрела на шляпки, на длинные, до локтя, перчатки женщин, и сердце ее замирало от восторга. Ах, какая вуалетка с цветными мушками — как смело, как очаровательно! А полосатый турнюр — ведь всем известно, что в мире нет ничего капризнее полосок, но как он шит, как божественно смотрится, сразу же выделяя его обладательницу среди окружающей толпы!

Мария услышала сухой кашель и оглянулась на брата. Алексей взглядом указал на окно, которое только что открыл высокий благообразный лакей. Его хозяйка, туго схваченная черным платьем монументальная особа, обмахивалась веером и плачущим голосом жаловалась на духоту соседке, худощавой даме с мышинового цвета волосами. Мария покраснела и поднялась с места.

— Я скажу им, — проговорила она и направилась к монументу в черном.

Алексей отвернулся. Кашель все не отпускал его, клекотал где-то в горле, но невероятным усилием поэту удалось справиться с собой. Он не хотел показывать

свою слабость, особенно здесь. Суета и толкотня, царившие вокруг, раздражали его, но еще более раздражали люди. У молодых женщин были лица содержанок, а старые не вызывали ничего, кроме омерзения. Что же до мужчин, то все они чем-то неуловимо походили на его бывшего полкового командира, который всегда жаловался на тяжелые времена, и чем больше он жаловался, тем богаче становился его дом, тем наряднее одевалась его супруга. Алексей ненавидел вспоминать об армии. Он почувствовал, как новый приступ кашля подкатывает к горлу, но тут, к счастью, вернулась Мария. Алексей поглядел на лакея и увидел, что тот закрывает окно.

— Госпожа Садковская просила извиниться, она не знала, что ты болен, — сказала сестра. — Она еще спросила меня, не поэт ли ты Нередин.

— Я надеюсь, ты ей не сказала, кто я? — довольно резко спросил Алексей.

Мария обиженно покосилась на него.

— Нет, Алеша, ну право же...

— Я не желаю ни с кем общаться, — зло выпалил Алексей, и его щеки окрасились кирпичным румянцем. — Сколько раз тебе повторять? Я болен и не хочу, чтобы меня тревожили.

— Я ничего ей не сказала, — пробормотала Мария. Она чувствовала себя виноватой, хоть и не знала, в чем именно ее вина; и все же это неотвратимое, гнетущее ощущение не отпускало ее. Алексей дернул щекой и допил воду из стакана, стоявшего перед ним на столе.

— Да-да, конечно, я понимаю, — саркастически промолвил он. — Я должен делать вид, что ничего особенного не происходит, что моя болезнь — так, досадное недоразумение. Мне полагается улыбаться и заверять всех, что месяца через два-три, самое большее через полгода, все будет в порядке. А между тем я вовсе не уверен, что через полгода не буду лежать в земле, к вящему удовольствию своих наследников.

— Алеша! — Мария была готова заплакать, ее губы дрожали.

— Я вовсе не тебя имел в виду, — устало сказал брат. — Просто у меня нет сил, да и желания, изображать из себя героя. Я очень болен, Маша, и мне не до всех этих глупостей в театральном духе. Легко говорить, что надо быть стойким и терпеливо переносить несчастья, когда сам ты сыт, доволен и не кашляешь кровью каждый день. Я и сам когда-то думал, что... — Он умолк. — Впрочем, неважно. Теперь все уже неважно.

Алексей спутулился в кресле и опустил глаза.

«Боже мой, — мелькнуло в голове у Маши, — ведь он меня ненавидит! Он всех нас ненавидит — и меня, и Федора». Федор был ее мужем, и сейчас его полк стоял возле Курска. Он не хотел, чтобы жена уезжала в столицу ухаживать за заболевшим братом, но в конце концов Мария переубедила его. Нет, Федор всегда с пониманием относился к Алексею, просто ему не хотелось отпускать жену. Да и потом, он был уверен, что болезнь Алексея — блажь, пустяк и вообще всему виной петербургский климат, но ежели в столице от каждой простуды «караул» кричать, то голоса не хватит.

Многое бы изменилось, если бы она приехала раньше? «Многое», — сказала себе Маша. Алексей никогда себя не берег, и если бы она заставила его раньше пойти к врачам, то, может быть... может быть... Но что теперь толку гадать, если диагноз — чахотка — уже поставлен и подтвержден, если драгоценное время упущено. И в нынешнем состоянии больного не остается ничего, кроме как поехать на юг Франции, в санаторий, и надеяться, крепко надеяться, что болезнь отступит, что недуг окажется не таким страшным, как они думали, что все каким-то непостижимым образом устроится и ее брат останется в живых. Только останется в живых — о большем Маша не осмеливалась и мечтать. «Я буду молиться за него», — подумала она, и ей стало немного легче.

На сидящих наплыла, щекоча ноздри, волна флерд-

оранжа. Поэт поднял голову. Какая-то красивая дама в сопровождении горничной только что прошествовала к выходу, четверо слуг несли за ней громоздкий багаж. Алексей покосился на Марию. Он не был особым знатоком женской моды, но сейчас его отчего-то резануло, до чего провинциальной кажется его сестра по сравнению с петербургскими вертихвостками. Ах, Маша-Маша, вечно она одевается то в серое, то в черное, немаркое и безвкусное! Хотя он же дал ей деньги, все, что получил от последнего издания «Огненной башни», — огромную сумму, несколько тысяч рублей¹. Но у нее невыносимая манера все припрятывать, благодарить и уверять, что ей ничего не нужно, что она обойдется. Просто невыносимая! А в конце концов деньги окажутся в руках ее мужа, тупоголового непрошибаемого здоровяка, который тайком просадит их в карты, а жене опять скажет, что неудачно вложил деньги. И Маша снова сделает вид, что поверила, и не станет задавать никаких вопросов. Интересно, как скоро зять спустит наследство Алексея, когда он умрет?

— Ты к нам несправедлив, — тихо проговорила сестра, и Алексей вздрогнул, словно она могла угадать его мысли. — Если бы ты знал, как Федор ценит твои стихи! Он от них в восторге. И, мне кажется, некрасиво...

Маша говорила что-то еще, но Алексей перестал слушать.

Сам-то он отлично помнил, как Федор, тогда еще жених его сестры, с невыносимой фамильярностью спрашивал у него: «Ну, батенька, когда вы бросите заниматься этой чепухой, виршами вашими?» Они все хотели, чтобы он ничем не отличался от прочих; и суровый отец-полковник с тяжелой (о, какой тяжелой!) рукой, и

¹ Для сравнения: рабочий или гувернантка получали в описанное время 20 рублей в месяц. (*Здесь и далее — примечания автора.*)

мать, которая почти не разговаривала с родными, только целыми днями читала французские романы, и робкая, всегда со всеми соглашающаяся Маша, и теперь еще этот самоуверенный, чугунолобый тип. И то, что Алексей вопреки всем им добился известности, а затем и большого, настоящего успеха, поразило и озадачило их. И отца, который перестал с ним разговаривать с тех пор, как сын отказался от карьеры военного, и мать, которая всем любопытным отныне со вздохом говорила, что Алексей возгордился и не желает знать родителей, и Машу, которая не знала, как себя с ним держать, и Федора, который прежде в глубине души считал брата жены ничтожеством, что его в принципе вполне устраивало, потому что позволяло воображать себя самого о-го-го каким молодцом. Еще вчера Алексей был хорошо им понятный и, скажем прямо, вполне заурядный человек, член их семьи, а сегодня его портреты печатают журналы, его стихи читают со сцены, и автору прочат славу продолжателя славных поэтических традиций российской словесности, маститые литераторы и литераторы не без таланта пожимают ему руку, зовут собратом, осыпают похвалами... А вслед за славой приходят деньги, вслед за деньгами — женщины. Ах, как судачил в году 1886-м Петербург о его романе с певицей К.! И едва ли не прежде, чем он покупал ей пять дюжин белых роз, которые она любила, весь город уже знал, сколько именно цветов он ей пошлет. И вот все это ушло, и остался только безнадежно больной человек, который едет во Францию умирать...

— Алеша, — проговорила Мария, — ты слышишь меня? Твой поезд сейчас подадут.

Он очнулся от своих невеселых размышлений и сделал попытку улыбнуться. Попытка не удалась.

— Извини. Я думал о...

Сестра положила руку в перчатке на его рукав. Перчатка была залатана, и Алексей разозлился. Боже мой, сколько денег он потратил на эту К., которая обманыва-

ла его со всеми антрепренерами, вместо того чтобы помогать сестре! Как легко принимал на веру ее слова «Нам ничего не нужно», отлично зная, что нужно, очень нужно, причем сразу же, сейчас, потому что жизнь уходит, потому что второй молодости не будет, никогда, никогда, как и второй жизни!

— Все будет хорошо, — проникновенно сказала Мария. — Верь мне. Не зря же у доктора Гийоме такая репутация. Он обязательно поставит тебя на ноги.

Алексей не поверил. Он помнил еще, как однажды утром кашлял так страшно, что едва не задохнулся. Но сейчас посмотрел на лицо сестры — и у него не хватило духу разочаровывать ее.

— Я буду писать тебе, — неловко пробормотал он.

Некрасивое лицо Марии осветилось улыбкой.

— Ты мне пришлешь свои новые стихи? Да?

— Обязательно, Маша.

Подошел слугитель, напоминая о том, что поезд уже прибыл. Алексей поднялся. В последнее время, когда он вставал с места, у него на долю мгновения темнело в глазах, но сейчас он пересилил себя и улыбнулся. Сестра с тревогой смотрела на него.

— Наверняка там будет ужасно скучно, — проговорил поэт. — И мне придется пить ослиное молоко.

Он искал, что бы такое сказать в прощальные минуты, быть может, самые важные в его жизни, и ничего не приходило ему в голову.

— Ты позаботишься о Трезоре? — наконец спросил он. Так звали его собаку, подарок той певицы, которую он когда-то любил и воспоминание о которой теперь не вызывало у него ничего, кроме горечи.

Мария кивнула:

— Я заберу его домой. Мы уже говорили об этом. Когда ты вернешься, я тебе его отдам.

«Я не вернусь, — обреченно подумал Алексей. — Вернее, вернусь, но то, что вернется, будет уже не я».

Он закашлялся и, опираясь на руку сестры, медленно

зашагал к выходу из зала ожидания первого класса. Монументальная дама в черном прервала животрепещущий разговор о театральных премьерах, недавнем затмении, смерти богемского кронпринца Руперта и непокорном молодом поколении, чтобы проводить Алексея пристальным взглядом.

— Как хотите, — сказала она худошавой даме, — но готова поклясться, что это именно Нередин. Я его видела однажды в опере, и вы знаете, рядом с ним была такая особа... Ни за что я бы не хотела оказаться на ее месте! Про нее такое говорят...

Худошавая дама механически кивнула, а про себя подумала, что если бы даже ее собеседница очень захотела, то все равно не смогла бы занять место К.

— Что-то он неважно выглядит, — заметила она.

— И не говорите! Вы тоже заметили? — подхватил «монумент». — Ходили слухи, он дрался из-за нее на дуэли. Вот я и думаю, что даром для него это не прошло, хоть он и бывший офицер... А вы читали его стихи? Я его «Северные поэмы» просто обожаю! — И без перехода: — Интересно, что за дама была с ним? Сама с обручальным кольцом, а он не женат...

Так под аккомпанемент толков и досужих сплетен продолжатель поэтических традиций нашей словесности уезжал из России. Впереди, впрочем, его ждали куда более интересные события, чем он мог себе вообразить.

ГЛАВА 1

Перестук колес. Свист пара из трубы локомотива.

— Остановка десять минут! Буфет!

Но ему не хочется ни пить, ни есть, и даже название станции ничуть не интересно. Просто глупый перрон, по которому ходит глупый важный жандарм, суетятся носильщики и снуют бестолковые пассажиры. А в окне зала ожидания сидит пестрая кошка — вся в бело-рыже-черных пятнах — и с любопытством смотрит на поезд. Тяжелая дрема наваливается на Нередица.

...Три звонка, лязг, тряска, перестук колес. Попутчик с дамой. Еще бы ничего, но даме душно, и она требует открыть окно. Мол, август нынче такой жаркий, такой тяжелый...

— Сударыня, прошу прощения... Я болен, видите ли... и... словом...

Почему он извиняется? К чему весь этот балаган, неужели по его нездоровому, типично чахоточному румянцу и по одышке не видно, в чем дело? Но молодая и, в общем-то, красивая дама смотрит на него с нескрываемой злобой, даже с гадливостью, словно он представляет для нее нешуточную угрозу или только что смертельно оскорбил ее. На следующей остановке она принимается вполголоса пить своего спутника, и еще через четверть часа парочка переселяется в свободное купе.

Оставшись один, поэт вновь проваливается в сон. Будит его стук открываемой двери.

— Ах! Вы Алексей Нередин, не правда ли? Я узнала вас! Вообразите, мы уже встречались! У Мими на вечере, помните?

Черт возьми, поклонница! Он разом стряхивает с себя остатки дремы. Мими — это К., самое лучшее и, может быть, самое худшее воспоминание его жизни, но только что вошедшую трещотку у нее он точно не встречал. А дама уже уселась напротив него и взяла в осаду по всем правилам. Здесь и хлопанье ресницами, и нарочито наивные вопросы, и намеки на обстоятельства его личной жизни... Пару раз она даже цитирует его стихи, чем заставляет Алексея окончательно их возненавидеть.

Почему, ну почему он так не любит своих поклонниц? Ведь, если говорить по справедливости, разве не они покупают его книги, не они жадно дожидаются новых строк, что выливаются из-под его пера, не они шлют ему пылкие признания в любви на шести страницах (порою с грамматическими ошибками в каждой строке)? Разве не благодаря им в итоге он, бывший поручик пехоты, получил наконец возможность жить если не по-царски, то хотя бы по-человечески, закатывать роскошные обеды для друзей-актеров и писателей, давать бедствующим поэтам деньги в долг, пользоваться любовью К. и дружить с самыми умными и талантливыми людьми столицы? Однако факт остается фактом: Алексей терпеть не может своих преданных почитательниц. Ему претят их преувеличенные восторги, их экзальтированность, их потные руки, которые так и норовят вцепиться в него. Претит их преклонение перед его стихами при полном непонимании поэзии, их поверхностность, их неперемнное желание, чтобы он и только он указал им какую-то дорогу, дал ответы на те вопросы, которые даже толком сформулировать невозможно: что есть жизнь, что ждет Россию в будущем и куда вообще катится мир?

Вначале это забавляло его, но потом стало раздражать. Когда-то он и впрямь считал, что поэт обязан указывать человечеству путь (куда — вопрос другой) и служить неким идеям; однако теперь он вовсе не был уверен, что человек, занимающийся литературным трудом, должен быть еще и философом, публицистом и по совместительству критиком существующего строя.

Последние недели, когда Алексей хворал и все время лежал в постели, он только и делал, что читал стихи — самые разные, от Третьяковского и Державина до современников, большинство из которых знал лично; и его неожиданно поразило, до чего жалкими выглядят как неумеренные восхваления, так и гневные обличения — вне зависимости от того, что их вызвало. Не лучше дело обстояло и с самыми прогрессивными, самыми положительными идеями; спору нет, до отмены рабства (которое стыдливо именовалось крепостничеством) все громы в его адрес казались ужасно смелыми, но сейчас они выглядели на редкость куце и беспомощно. Вся беда в том, подумал Алексей, что история не стоит на месте и идеи, донельзя актуальные сегодня, через десяток-другой лет выглядят уже милой нелепостью; но и через сто, и через триста лет люди по-прежнему будут любить друг друга, и оттого «Шепот, робкое дыханье...»¹ скажет им куда больше, чем сотни обличительных строк какой-нибудь Некрасовской поэмы. Потому что прошлое мертво и предано забвению; читателю интересно лишь то, что лично ему говорит тот или иной текст, и ему так же мало дела до высоких мотивов автора, как и до него самого. Каждый хочет найти в чужом стихотворении, поэме, романе лишь себя, свои незатейливые проблемы и неглубокие чувства, которые кажутся ему самыми важными на свете; и, если он встречает в этом лабиринте слов подобие своего отражения, он готов признать

¹ Начало знаменитого стихотворения Афанасия Фета.

автора гением, а если нет — отказывает ему даже в намеке на талант.

Алексей вспомнил критическую статью, которая на днях появилась в одном из журналов, куда он необдуманно отказался посылать свои стихи, — уж в ней-то определенно утверждалось, что таланта у него нет и не предвидится. Статья была отточенно-язвительная, как и все, что писал знаменитый критик Емельянов. Маша, добрая душа, пыталась спрятать ее от брата, но к нему заглянул приятель — просить денег в долг — и проговорился. Алексей прочитал дышащие ядом и недоброжелательностью строки и пожал плечами — после выхода на шумевшей «Деревянной России» ему доводилось читать и не такое. Но отчего-то сейчас, когда он вспомнил о Емельянове, ему сделалось трудно дышать и в груди словно образовался плотный ком, мешающий сердцебиению. Он достал платок и украдкой вытер лоб.

— Я читала, — щебетала меж тем попутчица, преданно заглядывая ему в глаза, — будто вы сказали, что в России все поэты делятся на две категории: на Пушкина и на всех остальных. Скажите, вы это серьезно? Ведь на самом деле Пушкин ужасно груб! Да и стихи его, по правде говоря, простоваты...

Терпение Алексея истощилось, он извинился и выскользнул из купе. Встретив кондуктора, поэт сунул ему в руку бумажку и попросил пересадить его в другой вагон, объяснив, что у него болит голова.

А ведь другие поэты еще завидуют мне, думал он с горечью, когда кондуктор исхитрился-таки освободить для него целое купе и Нередин смог наконец остаться один. О, эта яркая манящая заплатка, именуемая славой, — заплатка, которая любое ветхое рубище превращает в королевскую мантию!¹ Но к чему притворяться,

¹ Намек на слова книгопродавца из стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Что слава? — Яркая заплатка // На ветхом рубище певца».